УДК 94, 930.2 ББК 63.3(2)

Рост антисоветских настроений в сельской местности Симбирской губернии в 1920 – 1921 гг.: по оперативным сведениям Симбирской губернской чрезвычайной комиссии

Мухамедов Рашит Алимович,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия.

Чигрин Максим Валерьевич,

аспирант историко-филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия.

Штылев Денис Владимирович,

магистрант историко-филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия.

Аннотация. На основе информационных сводок, докладов и переписок Симбирской губернской чрезвычайной комиссии в 1920 – 1921 гг., характеризующих экономическую и политическую ситуацию в губернии, авторы рассматривают особенности деятельности в деревне представителей антисоветских партий, формы и способы выражения крестьянами недовольства «продразверсткой», реализуемой местными партийными структурами в рамках политики «военного коммунизма». Впервые вводится в научный оборот большой пласт ранее засекреченных неопубликованных архивных документов из фондов ГАУО и ГАНИ УО. Делается вывод о том, что произошедшая у сельских жителей в Симбирской губернии в 1920 – 1921 гг. перемена отношения к советской власти была обусловлена вывозом зерна из административных единиц губернии в индустриальные регионы страны, низким уровнем политического просвещения в сельской местности, слабой организацией пропагандисткой работы в деревне партийными агитаторами.

Ключевые слова: история России, первые годы советской власти, Симбирская губерния в 20-е годы, действия парткомов на местах, чрезвычайные формы экономического регулирования, военный коммунизм, антисоветские настроения в первые годы советской власти, ЧК, Симбирская губернская чрезвычайная комиссия, коммунистическая ячейка, бандитизм, секретно-информационный отдел.

Growth of Anti-Soviet Vibes in Rural Areas of the Simbirsk province in 1920 - 1921: According to Operational Information of the Simbirsk Provincial Emergency Commission

Mukhamedov Rashit A.,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

Chigrin Maksim V.,

postgraduate student, School of History and Philology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

Shtylev Denis V.,

Master student, School of History and Philology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

Abstract. The article is based on summaries, reports and correspondence of the Simbirsk provincial emergency commission in 1920-1921 that characterize the economic and political situation in the province. The authors consider the actions of anti-Soviet parties in the province, as well as forms and ways of peasant dissatisfaction with the "surplus appraisal" implemented by local party structures within the framework of the policy of "war communism". A large layer of previously classified unpublished archival documents was put into scientific circulation. It is concluded what happened to rural residents in the Simbirsk province in 1920-1921. The main issues are the change in attitude to the Soviet regime was due to the export of grain from the administrative units of the province to the industrial regions of the country, the low level of political education in the countryside, and the poor organization of propaganda work in the province by party agitators.

Keywords: history of Russia, first years of Soviet power, the Simbirsk province, actions of local party committees, extreme forms of economic regulation, military communism, anti-Soviet vibes during the first years of Soviet power, the Cheka, the Simbirsk provincial emergency commission, the communist cell, banditry, secret information department.

В последние десятилетия происходит переосмысление взглядов на события, произошедшие в начальные годы советской власти, а также переоценка достижений советского правительства. В академической среде, как на общероссийском, так и локальном уровнях, в настоящее время тема роста антисоветских настроений в сельской местности в 1920 – 1921 гг. освещена лишь частично: исследователи акцентируют внимание главным образом на процессах реализации правительственных постановлений [Зарипов 1999; Заерова 2006; Войнов 2012]. Непосредственно указанной проблематике посвящен труд Т. А. Чуприновой, исследовавшей процесс формирования чрезвычайных форм регулирования экономической сферы в период гражданской конфронтации и выявившей реакции сельских жителей на осуществляемые властью мероприятия [Чупринова 2009]. Анализ архивных документов, отражающих деятельность Симбирской Губернской ЧК, поможет ликвидировать еще остающиеся «белые пятна» в нашем понимании того, как сельские граждане относились к проводимым советской властью мероприятиям.

Рассмотрение в статье процесса политической дестабилизации на деревне осуществляется на основании содержания донесений, оперативных сводок, докладов

и служебной переписки Симбирской ГубЧК. В отчетах чрезвычкома давалась оценка политической работе РКП(б) и ее результатам на селе. При этом следует принять во внимание, что далеко не всегда политическая работа ячеек РКП(б) оценивалась чекистами удовлетворительно. В частности, обнаружившиеся факты политической несознательности крестьянской массы ставились в вину непосредственно представителям Сельсоветов и членам РКП(б) [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173: 19]. Так, из сводок секретно-информационного отдела Губернской ЧК по Сызранскому уезду мы узнаем, что в январе 1920 года работа ячеек РКП(б) в области распространения идей социалистического строительства и коммунизма в широких массах по-прежнему проводилась в городской черте, проводилась крайне вяло, коммунисты ограничились проведением нескольким митингов, приуроченных к праздничным датам [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173: 24]. Исходя из вышеизложенного отчета комиссии, следует полагать, что пропагандистская работа партийными структурами проводилась, главным образом, спонтанно, не существовало четкого плана проведения мероприятий. Во многом такое положение сложилось по следующим причинам: во-первых, из-за недостатка способных политических работников, так как большинство из них были сильно перегружены партийной и советской работой; во-вторых, из-за отсутствия инициативы со стороны парткома.

Однако, несмотря на выявленные недостатки в области распространения идей социалистического строительства и коммунизма, сотрудники секретно-информационного отдела чрезвычкома отмечали удовлетворительную работу комячеек в Сызранской административной единице губернии. Согласно докладу от 14 января 1920 года, ячейки проводили большое количество мероприятий в сфере культурно-просветительской деятельности. Непосредственно в Сызрани ячейками было организовано шесть культурно-просветительских кружков, членами которых являлись преимущественно представители крестьянской молодежи [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 19]. Также, некоторые ячейки осуществляли по своей инициативе борьбу с самогонщиками, спекулянтами и дезертирами, что выражалось в выявлении противозаконных случаев и занесении их в специальный список, который отправлялся в чрезвычком для проведения дальнейшего расследования [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 332: 19].

В Сызранском уезде, согласно информационным сводкам осведомителей Симбирской ГубЧК, настроение среди сельских рабочих по отношению к советской власти было в основном положительным или нейтральным. Негативно относились к власти в основном кулаки, спекулянты, представители буржуазии и часть интеллигенции, служившей в Советских учреждениях [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 615: 15].

В марте 1920 года в губернии отмечался рост недовольства в общей массе крестьянского населения главным образом по поводу реализации урожая и несения гужевой повинности. При этом сама необходимость несения повинности не являлась основной причиной недовольства [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 618: 11]. Протестные настроения были вызваны неумелым обращением с крестьянством со стороны некоторых партработников, а также демонстративно совершаемыми правонарушениями различных инструкторов, координирующих процесс реализации урожая. Для предотвращения распространения веры во вседозволенность советских работников, особо возмутительные случаи «жандармского» обращения инструкторов с народом разбирались на экстренных публичных собраниях, по итогу которых провинившиеся инструкторы предавались суду Симбирского губернского революционного трибунала [Чигрин 2018: 311].

В информационной сводке практически отсутствуют сведения о настроении советских служащих: «Во всех учреждениях большинство служащих интеллигенты,

поступившие на службу ради куска хлеба, и политическую их принадлежность установить невозможно без специального расследования» [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 345: 11]. В донесении также сообщалось, что в марте 1920 года ячейками распространялись специальные анкеты, которые должны были быть заполнены служащими к первому апреля. Анкеты должны были помочь местным партийным структурам собрать данные о социальном положении, партийной принадлежности каждого работника [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 3. Д. 45: 7]. По итогам проведенного анкетирования полученные сведения были переданы в ГубЧК. Из докладов немногочисленных осведомителей было установлено, что большая часть служащих Сызранского и Алатырского парткомов состояла из «неблагонадежных элементов». По отношению к крестьянам служащие в парткомах вели себя преимущественно дерзко [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 8].

Информационные сводки сообщали, что Алатырская организация коммунистов работала удовлетворительно, а именно: раз или два в месяц устраивала субботники, проводила общие собрания и митинги для красноармейцев, а также следила за исполнением и проведением в жизнь декретов Совнаркома. В то же время, в парторганизации был существенный

недостаток хороших агитаторов, не соблюдалась дисциплина, из-за чего агитаторская деятельность проводилась лишь 2 – 3 раза в месяц [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 3. Д. 48: 11].

В Буинском уезде в состав сельских и волостных советов в большинстве случаев входили представители среднего и беднейшего крестьянства. Продуктивность их работы, хотя не вполне удовлетворяла установленным партией требованиям, но на местах, где отсутствовали коммунистические ячейки, все распоряжения, несмотря на низкий образовательный уровень сотрудников, исполнялись быстро [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 9].

Из приведенных выше донесений следует, что на 1920 год настроение среди крестьян и комячеек оценивалось как удовлетворительное. Основную тревогу чекистов вызывали некоторые политически неблагонадежные представители интеллигенции, которые занимали важные служебные посты [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 11].

Начиная с 1921 года политические настроения в крестьянской среде и вообще в сельской местности заметно ухудшаются. Так, в Шумовской волости настроения крестьян было преимущественно антисоветские, население жаловалось властям на реализацию урожая, а также на реквизицию битой птицы, скота, масла, яиц и т. д. В населенном пункте осуществлялась антисоветская пропаганда о том, что все реквизированное шло только комиссарам, а больных красноармейцев морили голодом [Пашкин 2012: 26].

В Больше-Нагаткинской волости настроение крестьян было неудовлетворительным, причем в деревне Пимаевке среди крестьян были распространены следующие слухи: «мы раньше съедим своих лошадей, а потом будем бить комиссаров и тоже есть» [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 345: 17]. В селе Крестникове крестьяне готовились ломать советские амбары; население ожидало прихода красноармейцев с фронта, чтобы с их помощью поднять восстание; в волости было много бывших белогвардейцев [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 25].

В селе Темерсян чекистами было выявлено, что председатель Совета, – кулацкого происхождения, – в присутствии товарища выразился, «что это не Советская власть, а грабительская» и тут же объяснил крестьянам, «что власть крестьянам дана только на бумаге» [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 39]. В Тетюшенской волости в селе Михайловке на общем собрании осведомителем был замечен один антисоветский агитатор, которого попытались арестовать, но тот успел скрыться [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 3. Д. 50: 11].

В Загудаевской волости в феврале 1921 года росло недовольство Советской властью – крестьяне утверждали, что «власть их кормит только словами да бумагой». В

Никулинской волости крестьяне охотно принимали и укрывали дезертиров и ждали прихода красноармейцев с фронта для восстания [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296: 9].

В Сингилеевском уезде, Дворянской волости, настроение населения было неудовлетворительным, так как крестьяне открыто выражали свое недовольство реализацией урожая [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 365: 21]. В Смоленской волости, настроение населения было антисоветское, крестьяне ждали красноармейцев с фронта, чтобы при их поддержке поднять восстание [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290: 14]. В Старо-Тимошкинской волости, среди населения настроение было преимущественно подавленным, так как крестьяне были фактически разорены в ходе неправильно произведенного продовольственного сбора [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 29]. В Сызранском уезде настроение крестьян было политически ненадежным, причиной этого являлось недовольство реализацией урожая. Согласно сводке, крестьяне скрывали бандитов, так как видели в них защитников от Советской власти [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 367: 15].

В Сингилеевском уезде, Теренгульской, Чертановской, Смышляевской и Тушинской волостях имело место открытое недовольство голодающих Волсоветами, Сельсоветами [Симбирская губерния ... 1958: 436]. По этой причине в некоторых селах отказались избирать севкомы, несмотря на ряд принятых мер со стороны уездных организаций. Политическое настроение в большинстве волостей было возбужденным и грозило перерасти в голодное восстание. Уисполкомом были высланы в уезды для выяснения положения два представителя [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 29].

В Симбирской губернии, по сообщению исполкома, настроение в уездах в марте 1921 года было шатким. В частности, 7-го марта в предисполком из Покровской волости явилась делегация из сорока человек. Делегаты потребовали хлеба и покинули уездный исполком только тогда, когда была вызвана милиция [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290: 13]. В селе Шиловка граждане требовали распределения хлеба, находившегося в окрестных амбарах. В Криушах сход граждан постановил вывести хлеб и назначить своего ключника, после чего вручили избранному ключнику один из ключей государственного амбара. Такое же настроение замечалось и в других волостях. В Нагаткинской волости собрание женщин избрало свой совет, параллельный волостному, и постановили ходатайствовать не вывозить ссыпной хлеб [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296: 11].

Настроение крестьян в Симбирской губернии из-за отсутствия семян и не оперативности их выдачи Губпродкомом было весной 1921 года плохим; у крестьян главное беспокойство вызывает отсутствие семян; они говорят: «если дадут семян всю землю засеем, а если нет так и будем голодать» [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 40]. К натуральному налогу крестьяне относятся с недоверием, говорят, что их обманывают [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 417: 21].

В связи с общими проволочками в выдаче семян в губернии осведомителями чрезвычкома систематически замечалась «подпольная агитация эсеровского характера» [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 439: 16], выявленные подстрекатели предавались суду Симбирского губернского революционного трибунала [ГАУО. Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 991: 4]. В уезды губернии парткомом были посланы 10 лучших товарищей для налаживания связи с деревней и фабриками [Симбирская губерния ... 1960: 451].

Из донесения РКП (б) от 5 мая 1921 года следует, что в Ново-Никулинской волости в населенных пунктах Хохловки, Усть-Уренка, Буйковка и Васильевка произошло самовольное расхищение общественных амбаров. При этом прибывшему на место расхищения отряду чекистов не удалось установить точное количество расхищенного хлеба [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277: 58]. Для принятия соответствующих мер, партией 8 мая был

выслан на место расхищения отряд в количестве 100 красноармейцев под руководством комбата военкома, а также выехала тройка для проверки работы в деревне [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 439: 18].

По сведениям на 14 мая 1921 года в Медринской волости села Ананьево и Загарино был самовольно расхищен хлеб из амбаров в количестве 2981 пуда [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 570: 34]. В селе Языковке той же волости было похищено 557 пудов хлеба. В селе Ананьино возникли проблемы с перевозкой остатков хлеба в количестве 400 пудов в Жедринский амбар, так как жители населенного пункта Ананьино вышли с мешками и заявили, что они не отдадут ни одного пуда [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 303: 15]. В результате возникла стычка между членами Волсовета и местными жителями. Драка была пресечена милицией [ГАУО. Ф. Р-1048. Оп. 2. Д. 11: 5].

Аналогичные случаи расхищения хлеба крестьянами в Симбирской губернии были зафиксированы в отчете чрезвычкома от 10 июня 1921 года. Согласно отчету, в Екатериновке, Выре, Абрамовке и Комаровке был расхищен из общественных амбаров хлеб, в неизвестном количестве. Расхищение хлеба произошло по трем причинам: 1) на почве голода отдельных граждан; 2) из-за нехватки семян для посева в поле; 3) по причине агитации, осуществленной членами антисоветских партий. Организованное расхищение хлеба наблюдалось в Теньковской, Кадыковской волостях. Выделением 500 пудов хлеба голодным возмущение среди граждан Тагаевской волости удалось пресечь [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 453: 14]. Для Кадыковской волости по распоряжению исполкома отпущено 380 пудов хлеба [Бравина 2008: 21]. Снабжение крестьян небольшими пайками позволило несколько улучшить ситуацию, но людей, враждебно настроенных против советской власти, было много [ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 624: 23]. Исполкому пришлось организовать охрану хлебных запасов посредством привлечения вооруженной силы.

В июне 1921 года исполкомом от осведомителя были получены сведения о том, что в селе Большие Березянки толпа голодающих в количестве трехсот человек потребовала хлеба, угрожая разгромом ссыппункта и избиением препятствующих [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1.Д. 277: 71]. В районе Больших Березянок продолжал развиваться бандитизм [ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 453: 15].

Вывод. В целом, на наш взгляд, массовое недовольство крестьян в последние годы «военного коммунизма» было вызвано несколькими факторами: неурожаем, вывозом зерна в индустриальные регионы страны, перебоями в распределении продуктов первой необходимости и низким уровнем политического просвещения в сельской местности. Информационные сводки, отсылаемые членами Симбирской губернской чрезвычайной комиссии в губисполком, содержали в себе всю необходимую для принятия управленческих решений информацию о настроении граждан, уровне развития бандитизма, качестве организации охраны хлебных пунктов, амбаров и т.д. Из архивных документов следует, что, в соответствии со сведениями, получаемыми из информационных сводок, исполком незамедлительно принимал решительные действия, которые приводили к улучшению ситуации.

Источники и литература:

- Бравина М.А. Продовольственная проблема в провинциальном Симбирске во время Гражданской войны. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2008. № 2. С. 20 – 29.
- 2. Войнов Е. В. Коллективно-хозяйственное движение в черноземной деревне в 1917 1922 гг.: на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 212 с.
- 3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-1048. Оп. 2. Д. 11.
- 4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 332, 345, 365, 367, 417, 570, 624.

- 5. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 615, 618.
- 6. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-200. Оп. 3. Д. 45, 48, 50.
- 7. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 277.
- 8. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 173, 277, 290, 296, 303, 439, 453.
- 9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 991.
- 10. Заерова А. Н. Социально-экономическое и политическое положение северо-западного Башкортостана в 1917 1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа. 2006. 222 с.
- 11. Зарипов А. Б. Социально-политическое развитие юго-восточного Башкортостана в 1917 -1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999. 231 с.
- 12. Пашкин А. Г., Забалухина Н. В. Симбирский Ульяновский край в новейшей истории России. 1917 1991. Люди, события, факты. Ульяновск; Корпорация технологий продвижения, 2012. 204 с.
- 13. Симбирская губерния в 1918 1920 гг.: сб. воспоминаний / под ред. Н. Д. Фомина. Ульяновск: Ульяновское книж. изд-во, 1958. 432 с.
- 14. Симбирская губерния в годы гражданской войны. Сборник документов. Т. 2. (март 1919 декабрь 1920 г). Ульяновск: Ульяновское книж. изд-во. 1960. 503 с.
- 15. Чигрин М. В., Мухамедов Р. Р. Судебная практика Симбирского губернского революционного трибунала по делам о должностных преступлениях в 1918 1919 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3 2. С. 309 314.
- 16. Чупринова Т. А. Чрезвычайные формы регулирования хозяйственно-экономической жизни советской России в годы гражданской войны (по материалам ВЧК): дис. ... канд. ист. наук. М. 2009. 203 с.